

УДК 1:316.3

DOI: 10.17072/2078-7898/2021-1-87-96

ОБЩЕСТВО КАК МИМЕТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ: ДИНАМИКА СОЦИАЛЬНОГО

Павловский Алексей Игоревич

Тюменский государственный университет (Тюмень)

Оценивается возможность переосмысления понятия «общество» и определяются перспективы таких изменений для приспособления его к исследованию современной ситуации. Постоянная мобильность акторов и появление виртуальной реальности разрушают границы между группами, что ставит под сомнение методологический потенциал любого статичного, а особенно эссенциалистского понимания феномена «общество». Автор отталкивается от определения «общества» через коммуникации, но при этом различает их по уровню достигаемого посредством коммуникации взаимопонимания, что дает возможность обратиться к внутренней структуре общества. Истолкование коммуникаций как проводников миметического воздействия, которое формирует человеческую субъектность и обеспечивает достаточную для того или иного уровня взаимопонимания синхронность между субъектами, позволяет рассматривать общество как динамический процесс, как миметическое поле, помещенное в условия постоянно меняющегося и весьма разнообразного «вызова». Ландшафтный характер «вызова» вносит в это поле постоянные возмущающие дифференциации, которые и обеспечивают непрерывность социальных изменений. Посредством противопоставления практического и дискурсивного сознания автору удается отделить нерелективные миметические процессы по передаче практического знания от их рефлективного осмысления, выделив таким образом два уровня в социальных процессах, несоответствие которых усложняет социальную динамику. На основании подобного понимания социального демонстрируется, как в зависимости от разницы условий разные сообщества могут выступать для человека основными, с которыми он преимущественно связывает свою идентичность, что открывает возможность в заключение сформулировать три основных практических вопроса, ответ на которые позволит спрогнозировать перспективы дальнейшего развития общества.

Ключевые слова: акторы, вызов-и-ответ, дискурсивное сознание, коммуникации, мимесис, практическое сознание, ситуация, совместная деятельность, субъектность, эссенциализм, этнические сообщества.

THE SOCIETY AS A MIMETIC FIELD: THE DYNAMICS OF THE SOCIAL

Aleksey I. Pavlovskij

Tyumen State University (Tyumen)

The article discusses the feasibility and vistas of re-defining the concept «society» in an effort to make it fit for studying the current situation. The constant mobility of actors and the new virtual reality transcend the boundaries between social groups, which calls methodological capacity of any static and especially essentialistic understanding of the phenomenon called «society» into question. The author starts from defining society through communication acts, but at the same time distinguishes between them by the level of mutual understanding attained through communication, which makes it possible to scrutinize the internal structure of the term in question. Understanding of communication acts as a medium of memetic influence that shapes a person's agency and ensures synchronicity between persons, adequate for a certain level of mutual understanding, enables the author to view society as a dynamic process, as a memetic

field amid constantly changing and diverse challenges. The landscape contour of the challenges adds constant disturbing differentiations that guarantee continual social changes. By contrasting practical and discursive minds, the author discriminates non-reflexive mimetic processes of practical knowledge transfer from their reflexive comprehension. Thus, the author distinguishes two levels in social processes, incompatibility between which adds complexity to social dynamics. Using this understanding of the social, the author shows how in certain conditions a person may identify with a certain social group. In conclusion, the paper formulates three main practical questions the answers to which will let us assess the possibilities for further development of society.

Keywords: actors, challenge-and-answer, discursive consciousness, communication, mimesis, practical consciousness, situation, joint activity, agency, essentialism, ethnic communities.

Введение

В современных исследованиях понятие «общество» следует использовать с осторожностью, так как само существование этого феномена подвергается сомнению рядом ученых, что обусловлено историей возникновения этого понятия в определенном теоретическом контексте, который на данный момент представляется во многом утраченным; последовательность осмысления этого факта подробно изложена у В.С. Вахштайна [Вахштайн В.С., 2012, с. 275–279]. Понятие «общество» было сформулировано и активно использовалось в эпоху доминирования национальных государств, проводивших агрессивную политику навязывания универсальной национальной идентичности, осуществляемую прежде всего методами дисциплинарной власти, что в теоретическом плане сопровождалось примордиалистским истолкованием наций как ключевых действующих социальных сил. Дж. Урри называет их «эндогенные социальные структуры, которые, как предполагалось в социологическом дискурсе, обладают способностью воспроизводить самих себя» [Урри Дж., 2012, с. 9]. Эти обстоятельства позволяли приписать «обществу» более или менее определенные территориальные границы и состав.

Тот же Дж. Урри указывает на то, что возникшие вследствие социального развития разнообразные современные формы мобильности «подрывают» эти структуры [Урри Дж., 2012, с. 9], в результате чего границы между различными обществами размываются, что позволяет ему предположить, что продолжение глобализационных процессов и вовсе приведет не только к утрате релевантности понятия «общество», но и к его превращению в идеологический инструмент «национальных сил», наце-

ленных на сохранение своей власти [Урри Дж., 2012, с. 10].

Подобная ситуация подразумевает необходимость переосмысления понятия «общество» как с точки зрения целесообразности его употребления, так и с точки зрения того набора методических средств, посредством которых оно может быть введено и интерпретировано, что и является целью данной статьи.

Эта проблема осознавалась рядом мыслителей, которые высказывали собственные предложения по поводу того, каким образом нужно поступить с понятием «общество». Н. Луман отказывается от классического понимания общества через его территориальную определенность и состав и предлагает трактовать его через коммуникации, которые, таким образом, выступают в качестве фундамента социальности как таковой [Луман Н., 2011, с. 11–13]. Дж. Урри думает заменить понятие «общество» в качестве стержня социального знания на разного рода «мобильности» [Урри Дж., 2012, с. 302], которые, следовательно, рассматриваются как основания социальных процессов. Б. Латур выдвигает предложение вообще отказаться от обособленного социального дискурса, включив в него не-человеческое, в результате чего понятие «общество» у него заменяется на понятие «коллектив», описывающее множество разного рода акторов, участников конкретного взаимодействия [Латур Б., 2014, с. 13–32]. Выбор любого из этих решений имеет теоретические последствия, в которых следует разобраться; и либо убедиться в том, что отказ от этого проблематичного понятия в той или иной форме не сужает наших объяснительных возможностей, либо подобрать из современного арсенала теоретических идей нужный комплект, который поможет тем или иным образом трансформировать понятие «общество».

Методологический смысл сохранения понятия «общество»

Предложенное Б. Латуром понятие «коллектив» позволяет достаточно специфично взглянуть на ситуацию, которая с помощью этого понятия описывается. Методологически это дает нам возможность уравнивать в качестве факторов, предопределяющих развитие ситуации, разного рода акторов: как человеческих, так и не-человеческих; как материальных, так и не-материальных. По сути дела, это позволяет исчерпывающим образом описать ситуацию, избегая ее объяснения, к чему Б. Латур прямо призывает [Латур Б., 2014, с. 201–207]. Проблема в том, что при подобном рода описаниях ситуация схватывается в своей тотальной автономии, вне связи с другими ситуациями, что очевидным образом противоречит нашему опыту, в котором ситуации зачастую связаны друг с другом генетически, типологически и содержательно.

Если часть из этих ситуаций можно связать на основании того, что в них входят одни и те же акторы, наблюдается класс ситуаций, связь между которыми обусловлена сходством акторов, в них участвующих. Наиболее существенным является сходство поведения между акторами-людьми, которое обусловлено общностью их предшествующей истории. Это сходство не существенно для описания каждой отдельной уникальной ситуации, но оно является определяющим для описания массивов этих ситуаций, которые, в свою очередь, порождают следующее поколение ситуаций, задавая устойчивые тренды. Иными словами, если мы не собираемся ограничиваться описаниями отдельных изолированных ситуаций, а предполагаем фиксировать и понимать разворачивающиеся во времени процессы, мы не можем ограничиваться понятием «коллектив», но нам нужны теоретические единицы, которые описывают сходство различных акторов-людей, существующее вне рамок отдельно взятой изолированной ситуации.

В этих теоретических единицах должен отражаться тот факт, что каждый актор ситуации имеет предшествующую историю, причем в случае с человеком это довольно непрозрачная и нерациональная история становления в окружении других людей, и актор-человек привносит эту историю в любую ситуацию, в которой он оказывается, причем сам зачастую не понимая

генезиса тех или иных собственных моделей поведения.

Наиболее удобными понятиями, которые могут служить этой цели, являются «культура» и «общество», оба они апеллируют к истории человека, который несет ее в себе, только при помощи понятия «культура» мы обращаемся к самому этому содержанию, к своеобразному субстрату практик, которые человек пытается регулярно воспроизводить в разных условиях конкретных ситуаций, а при помощи понятия «общество» — к множеству других людей с аналогичными практиками, т.е. с общей культурой.

Понятно, что в этом случае понятие «общество» используется по-другому, нежели это было свойственно эпохе господства «эндогенных социальных структур», чья претензия на вечность и неизменность обосновывалась разного рода эссенциалистскими теориями. Современное понимание общества должно быть построено на категорическом отказе от всякого эссенциализма, в котором тому или иному обществу приписывается некоторая вечная и вневременная сущность, проявляющаяся в деятельности отдельных ее представителей. Напротив, специфический контент общества возникает в результате деятельности множества людей, а поэтому представляет собой нечто динамично изменяющееся с течением времени вследствие того, как все новые и новые люди привносят нечто свое к этому массиву.

Данную позицию можно определить как методологический номинализм, при котором акцент первичности переносится с общества на индивидов, т.е. наличие сейчас некоторых индивидов с определенным культурным наследием рассматривается как результат воздействия предшествующего поколения индивидов, которые это наследие сформировали. В теории М. Арчер, например, это обстоятельство описывается метафорой присутствия в современном обществе «умерших» [Арчер М., 1999, с. 170–171].

Коммуникативная структура общества

Подобное использование понятия «общество» тем не менее означает определенный разрыв с его традиционным пониманием, существовавшим в эпоху «эндогенных социальных структур», т.е. оно не может пониматься ни через обладание определенной территорией, ни через свой численный состав. Текучий, изменчивый

характер современного общества делает такое определение невозможным.

Вообще, сомнительность определения общества через внешние границы, из-за разрушения обусловленности самих этих границ в перманентно изменяющемся мире, приводит нас к необходимости определить общество через его внутренние параметры. Удачный способ это сделать предложил Н. Луман, определивший общество через коммуникации [Луман Н., 2011, с. 11–13]. Подобная интерпретация позволяет понимать общество исключительно и напрямую через происходящие в нем внутренние процессы, в то время как в традиционном определении эти внутренние процессы мыслились как производные из самого факта существования общества, обусловленного территориально.

Важный вывод, следующий из концепции Н. Лумана, имеет для нас определяющее значение. Он утверждает: «Мы еще увидим, что этот анализ требует от нас гипотезы наличия одной единственной системы мирового общества, которое, словно пульсируя, растет или сжимается в зависимости от того, что получает воплощение в качестве коммуникации. О множественности обществ можно было бы утверждать лишь том случае, если бы между ними не существовало никаких коммуникативных связей» [Луман Н., 2011, с. 78]. С одной стороны, это так, и в этом смысле понятие «общество» охватывает все человечество, ибо между любыми человеческими общностями существуют те или иные коммуникативные связи. С другой стороны, нельзя свести понятие «коммуникация» к самому факту наличия коммуникативной связи, так как смысл коммуникации заключается в обмене информацией между ее участниками, а не все коммуникативные связи позволяют это сделать в одинаковой степени. Для идеальной коммуникации необходима полная тождественность вступающих во взаимодействие субъектов [Лотман Ю.М., 2010, с. 157], которая на практике никогда не встречается, так как содержание этих субъектов обусловлено их историей, участием в том или ином массиве практик, который обуславливает их опыт. Соответственно, субъекты коммуникации не только не тождественны, но еще и в разной степени не тождественны друг другу, что на практике проявляется в разном уровне взаимопонимания.

То есть если оценивать коммуникации не формально, по самому факту наличия коммуни-

кативной связи, а содержательно, на основании достигаемого в данной коммуникации уровня взаимопонимания, то получается, что общество как раз не едино, а вполне множественно, оно распадается на зоны более сильной коммуникации (которая характеризуется более глубоким пониманием и склонностью к более интенсивной коммуникации), отделенные друг от друга более слабыми коммуникациями. Таким образом, коммуникативное понимание общества не исключает наличия в нем границ, но в этом случае границы определяются не внешними по отношению к обществу обстоятельствами, а внутренними процессами в самом обществе, в ходе которых состав и соотношения коммуникативных зон внутри общества меняются вследствие осуществляемой совместной деятельности, которая постепенно подтачивает коммуникативные барьеры между различными зонами в одном месте и возводит в другом.

Понятно, что коммуникативные зоны организованы иерархически, т.е. в зависимости от уровня коммуникации можно выделить разного масштаба зоны, входящие друг в друга и различающиеся разным уровнем взаимного понимания, а соответственно, и разным уровнем схождения между субъектами.

Данный подход позволяет нам уйти от статичного, тем более эссенциалистского понимания общества, и интерпретировать его динамически, как результат актуального взаимодействия людей, складывающийся к тому или иному времени и имеющий некоторую инертность, что и позволяет «умершим» запускать процессы, действующие на их потомков. При этом та или иная структура общества в этом случае мыслится как исключительно временная, как сложившаяся к данному моменту и преодолимая в момент следующий.

Мимесис как феномен, порождающий социальность

Понятно, что возможность коммуникации должна предшествовать самой коммуникации, причем речь здесь идет не только о технической возможности, но и об определенном сродстве коммуницирующих субъектов, позволяющем расшифровывать передаваемую информацию. И вот именно это сродство и логично считать основанием социальности как таковой.

Сама по себе коммуникация вне контекста не обеспечивает достаточной синхронизации субъ-

ектов, так как вполне возможна ситуация, когда обменивающиеся информацией участники коммуникации не видят существующего между ними коммуникационного барьера, расшифровывая весь массив передаваемой информации непротиворечиво, но по-разному. Каждый из них при этом находится в собственном «интерпретационном пузыре». Для того чтобы увидеть наличие барьера, необходима обратная связь на акты коммуникации, которая возможна только в рамках совместной деятельности, выступающей, таким образом, контекстом коммуникации.

Иными словами, в совместной деятельности можно выделить два компонента, один из которых направлен на достижение целей деятельности, а другой — на обеспечение необходимого для взаимодействия уровня синхронности участвующих в деятельности субъектов, причем результаты этого второго выходят за рамки каждого конкретного взаимодействия, так как, оказывая влияние на самого субъекта, они, соответственно, остаются с ним и после того, как это конкретное взаимодействие закончено. В результате разные взаимодействия накладываются друг на друга в процессе формирования субъекта.

Проблема заключается в этом механизме обеспечения синхронности субъектов, который в том числе должен быть способен действовать вне зависимости от существования коммуникационного барьера, иначе в этом случае будет невозможна совместная деятельность, а соответственно, и преодоление указанного барьера. Субъект должен понимать, как ему следует поступать в рамках деятельности, причем понимать не рационально, так как рациональное понимание подразумевает «перевод» информации о том, как действовать, с «языка» одного субъекта на «язык» второго.

Наше предположение о существовании «нерационального» компонента информации о практиках опирается на теоретические исследования ряда мыслителей. Так, например, М. Полани, сформулировал концепцию «неявного знания» [Polani M., 1966, p. 4–6], согласно которой мастерство (успешное выполнение какой-либо практики) подразумевает владение нерационализируемыми «знаниями» о том, как нужно действовать (причем речь может идти как о «дыхании пловца», так и о профессиональном мастерстве ремесленника или исследователя). Э. Гидденс расширил эту идею за пределы фи-

лософии науки, утверждая, что в практике присутствуют недискурсивные компоненты [Гидденс Э., 2005, с. 28], например, он понимает правила социальной жизни «...как способы или обобщенные процедуры, используемые в процессе установления / воспроизводства социальных практик». «Сформулированные правила — правила, выраженные на вербальном уровне (законодательные нормы, бюрократические предписания, правила игры и т.п.), — представляют собой скорее кодифицированные толкования правил, нежели правила как таковые» [Гидденс Э., 2005, с. 65]. К. Вульф идет еще дальше, он не только постулирует факт существования нерационализируемого знания, но и описывает механизм его передачи: «Социальное действие имеет свою основу в инкорпорированном практическом знании, которое получают миметически, а его перформативность формирует социальные отношения и связи... Благодаря тому что формы действия, схемы и образы инкорпорируются и применяются в новых ситуациях, происходит обучение социальному действию» [Вульф К., 2009, с. 13].

Ученый утверждает: «Мимесис играет ведущую роль в конституировании субъекта» [Вульф К., 2009, с. 29]. Здесь понятием «мимесис» описывается подражательный механизм копирования деятельности других субъектов, в результате чего перенимаются элементы существующих практик. Термин «мимесис» кажется нам более предпочтительным, чем термин «подражание», так как позволяет исключить рациональную мотивацию как донора, так и акцептора мимесиса.

Это дает нам, кстати, возможность отнести к сфере социального все акторы, которые способны оказывать или испытывать миметическое воздействие, в том числе и нечеловеческие акторы, взаимодействующие подобным образом с человеком (например, животных и роботов). (Разумеется, в меру этой их способности.)

G. Gebauer говорит, что в результате мимесиса происходит усвоение привычек, формирующих иерархию предпочтений, которые дают субъекту способность интерпретировать мир [Gebauer G., 2000, p. 439–440]. Мы же, в рамках нашей исследовательской методологии, обозначаем понятием «субъект» саму эту «иерархию предпочтений», ценностную матрицу, формируемую в процессе усвоения привычек.

Понимание общества как миметического поля открывает перед нами широкие исследовательские перспективы, ибо позволяет сосредоточиться на течении непрерывного процесса социальной трансформации, которая вызвана пребыванием этого поля в тех или иных внешних обстоятельствах. Для этого удобно использовать метафору «вызов-и-ответ» А. Тойнби [Тойнби А. Дж., 2010, с. 113–149]. «Вызов» в данном случае это вся совокупность обстоятельств, в которых находится общество, а так как эти обстоятельства топологически различаются, то можно говорить о ландшафтном характере «вызова», что и задает структуру миметического поля, вынужденного постоянно реагировать на изменяющийся «вызов», который в том числе трансформируется вследствие каждого предшествующего «ответа».

В результате различия вызовов, возникающих перед каждым субъектом, мимесис приобретает творческий характер, так как подразумевает индивидуальную сборку в новых обстоятельствах нового синтеза скопированных у разных субъектов конструктивных элементов стратегии поведения [Вульф К., 2009; Wulf C., 2013].

Дискурсивное и практическое сознание

Разделение рефлекслируемого и практического знания означает необходимость выделения и в самом человеке разных уровней обработки информации, а соответственно, и взаимодействия с окружающей его реальностью, в том числе и с обществом. Э. Гидденс сформулировал это противопоставление с помощью понятий «дискурсивное сознание» и «практическое сознание». «Дискурсивное сознание связано с теми формами воспоминания, которые возможно выразить вербально. Практическое сознание включает воспоминания, к которым субъект имеет доступ в процессе действия, не будучи способным выразить то, что он или она таким образом “знают”» [Гидденс Э., 2005, с. 98]. Именно социальные практики становятся у него, таким образом, главным предметом исследования социальных наук [Giddens A., 1983, p. 77]. Если включить в эту схему «умерших» в понимании М. Арчер [Арчер М., 1999, с. 170–171], то мы получаем в результате всех наших теоретических допущений динамическую модель развития общества как миметического поля, в котором каждый субъект формируется в результате наложения индивидуального набора

миметических воздействий, детерминированных его включенностью в индивидуальный пакет социальных практик, обусловленный его индивидуальным положением в ландшафте вызова, и сам, в свою очередь, вносит индивидуальный вклад в практики, который оказывает миметическое влияние на других субъектов. И все это происходит на уровне практического сознания, представляя собой основной канал трансляции культуры от постоянно «выбывающих элементов» к постоянно «прибывающим». Логика мимесиса, в которой численность оказывающих миметическое влияние действий является главным фактором доминирования тех или иных специфических особенностей практик, обеспечивает устойчивость процесса, а непредсказуемое изменение ландшафта вызова — его изменчивость.

Дискурсивное сознание занимает в этой системе специфическое место, на этом уровне индивид пытается отрефлексировать и понять непрерывную череду трансформаций, происходящих в нем самом и вокруг него, благодаря чему рефлексивность представляет собой «наблюдаемое свойство и характерную особенность движущегося потока социальной жизни» [Гидденс Э., 2005, с. 40]. На этом уровне формулируются нормы, правила и принципы, осуществляются рациональные классификации людей, деление их на сообщества, здесь существуют идентификационные маркеры, при помощи которых субъект относит себя и других к тем или иным сообществам.

Первая проблема здесь заключается в том, что рациональное схватывание непрерывного потока трансформаций при помощи устойчивых понятийных конструкций, особенно массовых, неизбежно упрощает полученный результат по сравнению со схватываемой данностью. Вторая проблема — в том, что элементы концептосферы не выдумываются каждый раз заново, а тоже передаются от предшествующих поколений, причем независимо от практического сознания. Само их использование в новом ландшафте вызова порождает герменевтические предрассудки, а потому искажает результаты рефлексии. Э. Гидденс пишет: «...индивиды могут оперировать ошибочными теориями, ссылаться на ложные описания или оценки контекстов собственной деятельности и свойств окружающих социальных систем. Именно здесь находятся очевидные источники возможного противоречия между

практическим и дискурсивным сознанием» [Гидденс Э., 2005, с. 152]. В рамках нашей методологии мы можем уточнить эту мысль: данное противоречие неизбежно и обусловлено тем, что предшествующие поколения задают не только практики, в которых миметически формируется субъект, но и передают результаты своей рефлексии над этими практиками, преодоление которых требует навыков критического мышления, которые не являются общераспространенными. Существующее отставание между этими сознаниями может различаться у разных людей и сообществ в зависимости от способности к критическому восприятию концептуального наследия со стороны индивидов и допустимости альтернативных интерпретаций в их социальном окружении.

Этнические сообщества

Вызов, стоящий перед человеком, носит индивидуальный характер, ибо обуславливается не только внешними обстоятельствами, которые и сами по себе достаточно разнообразны, но и внутренними представлениями субъекта о желательном для него лично. Но ответ на вызов чаще всего может быть дан только в рамках совместной деятельности, поэтому люди оказываются вынуждены взаимодействовать для обеспечения этого ответа, а это подразумевает объединение в сообщества, в которых присутствуют интенсивные коммуникации, а соответственно, и взаимное миметическое влияние.

В зависимости от своей устойчивости подобное объединение может иметь разное влияние на субъекта. М. Gordon дает любопытное определение этнических сообществ, которые побуждают человека не выходить за их пределы в своих первичных и большинстве вторичных отношений [Gordon M., 1964, p. 34]. Понятно, что такие сообщества способны оказывать на субъекта особенно сильное влияние, ибо они охватывают весь цикл его жизни, действуют наиболее массивно и предлагают соответствующие практики на большинство случаев жизни.

Анализируя этнические процессы в США середины XX в., М. Gordon выделяет три вида подобного рода сообществ: нации, расы и религиозные конфессии [Gordon M., 1964, p. 27–28], но это происходит в момент, когда доминирование того, что Дж. Урри называет «эндогенные социальные структуры», является еще

непоколебленным. А поэтому данное выделение не может быть автоматически перенесено на другие исторические периоды и другие страны, в отличие от самого принципа выделения: способности сообщества охватить большинство отношений субъекта на протяжении всего цикла его жизни.

Так, говоря о предшествующей истории, М. Gordon отмечает, что в это время люди жили малыми группами, в которых были сходные представления о жизни [Gordon M., 1964, p. 28], с ними и была связана их идентичность. Понятно, что сходные представления здесь были связаны как раз с совместным проживанием, а малый размер групп — логикой аграрного производства; в этом случае именно такие группы выступали в роли основных сообществ, охватывающих полный цикл жизни человека, в то время как этничность существовала за счет естественных процессов переноса языка и культуры в процессах расселения. Этнические сообщества становятся основными для человека в результате перехода к индустриальному производству, сопровождавшегося возникновением национальных государств и конструированием наций (этот процесс хорошо описан у Б. Андерсона [Андерсон Б., 2016, с. 90–105]), причем инструментом навязывания идентичности со столь большой группой людей, не связанных интенсивными коммуникациями, выступала зачастую дисциплинарная власть (в понимании М. Фуко [Фуко М., 2005, с. 54–59]), господствующая в информационном пространстве.

В обоих вариантах равновесие нарушали процессы миграции, но они компенсировались ассимиляцией, в которой М. Gordon выделяет несколько этапов [Gordon M., 1964, p. 71]. Рассмотрев их на основании нашей методологии, мы можем констатировать, что только первый из этих этапов — аккультурация — осуществляется на уровне практического сознания и заключается в смене моделей поведения. Остальные — происходят на уровне дискурсивного сознания, и поэтому мы можем их условно совместно обозначить как «смена идентичности». Речь в этом случае идет о вполне осознанной смене идентификационных этнических маркеров, приписываемых человеку как им самим, так и окружающими. Аккультурация — процесс непрерывный, а вот смена идентичности чаще всего происходит скачком, ибо обу-

словлена не только изменением поведения, но зачастую зависит и от других параметров: физиогномического типа, привычки себя причислять к тому или иному сообществу и др. Поэтому ассимиляция требует времени, а отставание дискурсивного сознания в некоторых случаях может ее дополнительно растягивать.

Проблемность современной ситуации определяется двумя факторами. Во-первых, выросшая мобильность, и дело даже не в ее количестве, а в ее тотальности и постоянстве. Люди не ограничиваются переездом с места на место, чтобы в последующем их потомки могли там жить постоянно. Один и тот же человек в течение жизни многократно перемещается, меняя при этом свое окружение, а потому и набор миметических влияний. Во-вторых, это возникновение виртуальной среды, в которой могут возникать отдельные локации, где люди способны коммуницировать, а потому и испытывать миметическое влияние, сравнимое с тем, которое возникает в живом общении. И все это сосуществует в условиях современного производства, которое приводит к тому, что человек одновременно входит в множество малых групп (по работе и учебе, в личной жизни, на месте проживания и реализации хобби) одновременно. В результате ослабевает влияние «эндогенных социальных структур», но невозможен и возврат к замыканию в одной малой группе. Отсюда и противоречивая ситуация с идентичностью, которая частично отсылает к устаревающему отношению себя к этническому сообществу, а частично оказывается произвольной.

Результаты и обсуждение

В статье речь идет об оценке возможности использования понятия «общество» в новых условиях, когда человеческая мобильность подрывает преобладающее влияние «эндогенных социальных структур», социальные процессы выходят за их рамки, а потому нельзя ввести более или менее четкие границы, при помощи которых ранее общества отделялись друг от друга.

Мы исходили из того, что для ответа на этот вопрос нужно сформировать «оптику», ориентированную на рассмотрение социальных процессов в их множественности и динамике.

Мы пришли к выводу, что понятие «коллектив» Б. Латура не подходит нам для этих целей,

ибо подразумевает акцентирование на конкретной ситуации, в то время как нас интересуют не отдельные автономные ситуации, а целые массивы взаимосвязанных ситуаций в их влиянии друг на друга, в первую очередь за счет сходства в разных ситуациях поведения людей, имеющих сходную историю. Для этого мы сохраняем понятия «общество», описывающее массив этих людей, и «культура», описывающее имеющийся у них поведенческий контент.

Мы показали, что понимание понятия «общество» Н. Лумана может быть развернуто, если учитывать наличие коммуникативных связей разного уровня и, соответственно, коммуникативные барьеры. Введение этих уровней дает возможность интерпретировать все человеческое общество одновременно и как единое, из-за самого факта наличия коммуникации, и как множественное, разделенное на относительные части коммуникативными барьерами.

Мы ввели в свою методологию понятие «мимесис» для описания механизма, посредством которого формируются и синхронизируются между собой субъекты, когда участвуют в совместной деятельности. Это позволило выделить и описать в деятельности соответствующий компонент, который обеспечивает передачу культуры и практического опыта, и дало нам возможность интерпретировать само общество как постоянно меняющееся под влиянием ландшафта вызова миметическое поле, т.е. как процесс, а также включить в него как нечеловеческие акторы в той мере, в какой они могут оказывать или испытывать миметическое воздействие, так и «умерших» в интерпретации М. Арчер, т.е. понимать этот процесс исторически.

Введение предложенного Э. Гидденсом разделения «практического сознания» и «дискурсивного сознания» обеспечивает нам возможность отделить собственно миметические процессы от рефлексии над ними в самом человеке, показав относительную автономию этих двух уровней, чтобы на основании этой автономии обособить миметическое и рефлексивное в социальных процессах, что открывает для нас возможность описания их взаимовлияния, которое играет существенную роль из-за выявленного нами отставания дискурсивного сознания.

Добавление сюда идеи о специфике этнических сообществ в США середины XX в., кото-

рую выдвинул М. Gordon, позволяет нам объяснить существование для человека основных сообществ, решающим образом влияющих на формирование его субъектности, и показать, как особенности ландшафта вызова определяют выбор того, какие именно сообщества будут играть эту роль, а его понимание структуры ассимиляции — проследить, как на уровнях практического и дискурсивного сознания происходит процесс перетекания людей из одного основного сообщества в другое.

Важно, что данная методология может быть использована как для понимания социальных процессов в рамках эпохи доминирования «эндогенных социальных структур», так и за ее пределами: в эпоху «малых групп» или в настоящее время. Это становится возможным из-за того, что с помощью методологии можно объяснить само это доминирование как частный случай, обусловленный конкретными факторами в рамках одного и того же набора теоретических допущений.

Заключение

Интерпретация общества как миметического поля позволяет нам перейти от понимания его как «совокупности людей» или «совокупности связей» к пониманию его как «совокупности миметических влияний», которые, по мнению автора, и определяют и связи, и группирование элементов этого поля. Такое процессуальное истолкование социального, основанное на акцентировании на механизме его обеспечения, дает возможность отказаться от статичных, особенно эссенциалистских, определений социальных феноменов, вместе с тем не ограничиваясь исследованием конкретных ситуаций, но и захватывая аспекты, связанные с тем контентом, которые проявляются во множестве ситуаций благодаря участию в них людей, связанных общей историей; это, в первую очередь, важно для анализа культурных феноменов, которые сами по себе носят синтетический характер, так как проявляются как раз во множестве ситуаций, не возникая, а трансформируясь в каждой из них. Это дает нам необходимый методологический инструментарий для того, чтобы говорить о социальной динамике, что особенно актуально в наше время, когда устойчивость является скорее исключением, чем правилом.

Список литературы

- Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Кучково поле, 2016. 416 с.
- Арчер М. Реализм и морфогенез // Теория общества: сб. М.: Канон-пресс-Ц; Кучково поле, 1999. С. 157–195.
- Вахштайн В.С. Пять книг о посткритической социологии // Социология власти. 2012. № 6–7(1). С. 275–281.
- Вульф К. К генезису социального. Мимезис, перформативность, ритуал. СПб.: Интерсоцис, 2009. 164 с.
- Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структуриации. М.: Академ. проект, 2005. 528 с.
- Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Изд. дом ВШЭ, 2014. 384 с.
- Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2010. 704 с.
- Луман Н. Общество общества. Кн. 1–3. М.: Логос, 2011. 640 с.
- Тойнби А.Дж. Постигжение истории. М.: Айрис-пресс, 2010. 640 с.
- Урри Дж. Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия. М.: Изд. дом ВШЭ, 2012. 336 с.
- Фуко М. Нужно защищать общество: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году. СПб.: Наука, 2005. 312 с.
- Gebauer G. Die Konstruktion der Gesellschaft aus dem Geist? Searle versus Bourdieu // Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie. 2000. Vol. 52, iss. 3. P. 428–449. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11577-000-0067-x>
- Giddens A. Comments on the Theory of Structuration // Journal for the Theory of Social Behaviour. 1983. Vol. 13, iss. 1. P. 75–80. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1468-5914.1983.tb00463.x>
- Gordon M. Assimilation in American Life. The Role of Race, Religion, and National Origins. N.Y.: Oxford University Press, 1964. 276 p.
- Polani M. The Logic of Tacit Inference // Philosophy. 1966. Vol. 41, iss. 155. P. 1–18. DOI: <https://doi.org/10.1017/s0031819100066110>
- Wulf C. Appropriating the world through mimesis // Zeitschrift für Erziehungswissenschaft. 2013. Vol. 16. P. 15–25. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11618-013-0409-x>

Получена: 27.09.2020. Доработана после рецензирования: 11.02.2021. Принята к публикации: 20.02.2021

References

Anderson, B. (2016). *Voobrazhayemyye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostraneni natsionalizma* [Imagined communities: reflections on the origin and spread of nationalism]. Moscow: Kuchkovo Pole Publ., 416 p.

Archer, M. (1999). [Realism and morphogenesis]. *Teoriya obshchestva: sbornik* [The theory of society. A collection of works]. Moscow: Kanon-press-C Publ., Kuchkovo Pole Publ., pp. 157–195.

Foucault, M. (2005). *Nuzhno zashchishchat' obshchestvo: Kurs lektsiy, pročitannykh v Kollezhe de Frans v 1975–1976 uchebnom godu* [Society must be defended: lectures at the college de France, 1975–1976]. Saint Petersburg: Nauka Publ., 312 p.

Gebauer, G. (2000). [Society as a mental construction? Searle versus Bourdieu]. *Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie* [Cologne Journal for Sociology and Social Psychology]. Vol. 52, iss. 3, pp. 428–449. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11577-000-0067-x>

Giddens, A. (1983). Comments on the theory of structuration. *Journal for the Theory of Social Behaviour*. Vol. 13, iss. 1, pp. 75–80. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1468-5914.1983.tb00463.x>

Giddens, A. (2005). *Ustroyeniye obshchestva: Ocherk teorii strukturatsii* [The constitution of society. Outline of the theory of structuration]. Moscow: Akademicheskii Proekt Publ., 528 p.

Gordon, M. (1964). *Assimilation in American life. The role of race, religion, and national origins*. New York: Oxford University Press, 276 p.

Latour, B. (2014). *Peresborka sotsial'nogo: vvedeniye v aktorno-setevuyu teoriyu* [Reassembling the social: an introduction to actor-network-theory]. Moscow: HSE Publ., 384 p.

Lotman, Yu.M. (2010). *Semiosfera* [Semiosphere]. Saint Petersburg: Iskustvo-SPb Publ., 704 p.

Luhmann, N. (2011). *Obshtestvo obshtestva. Kn. 1–3* [The Society of society. Books 1–3]. Moscow: Logos Publ., 640 p.

Polani, M. (1966). The logic of tacit inference. *Philosophy*. Vol. 41, iss. 155, pp. 1–18. DOI: <https://doi.org/10.1017/s0031819100066110>

Toynbee, A.J. (2010). *Postizhenie istorii* [A study of history]. Moscow: Ayris-press Publ., 640 p.

Urry, J. (2012). *Sotsiologiya za predelami obshchestv: vidy mobil'nosti dlya XXI stoletiya* [Sociology beyond societies: mobilities for the twenty-first century]. Moscow: HSE Publ., 336 p.

Vakhshayn, V.S. (2012). [Five books about post-critical sociology]. *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of Power]. No. 6–7(1), pp. 275–281.

Wulf, C. (2009). *K genezisu sotsial'nogo. Mimesis, performativnost', ritual* [On the genesis of the social. Mimesis, performativity, ritual]. Saint Petersburg: Intersotsis Publ., 164 p.

Wulf, C. (2013). Appropriating the world through mimesis. *Zeitschrift für Erziehungswissenschaft* [Journal of Educational Sciences]. Vol. 16, pp. 15–25. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11618-013-0409-x>

Received: 27.09.2020. Revised: 11.02.2021. Accepted: 20.02.2021

Об авторе

Павловский Алексей Игоревич

кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры философии

Тюменский государственный университет,
625003, Тюмень, ул. Володарского, 6;
e-mail: a.i.pavlovskij@utmn.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4265-6844>
ResearcherID: AAK-3090-2020

About the author

Aleksey I. Pavlovskij

Ph.D. in Philosophy, Docent,
Associate Professor of the Department of Philosophy

Tyumen State University,
6, Volodarskiy st., Tyumen, 625003, Russia;
e-mail: a.i.pavlovskij@utmn.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4265-6844>
ResearcherID: AAK-3090-2020

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Павловский А.И. Общество как миметическое поле: динамика социального // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2021. Вып. 1. С. 87–96. DOI: 10.17072/2078-7898/2021-1-87-96

For citation:

Pavlovskij A.I. [The society as a mimetic field: the dynamics of the social]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2021, issue 1, pp. 87–96 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2021-1-87-96